
РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА, ЕЕ РАЗВИТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

И. Ф. ГИНДИН

Советские историки мало занимались изучением русской буржуазии в период капитализма. Даже из обобщающих ленинских характеристик в нашу литературу широко и прочно вошли лишь немногие высказывания — о контрреволюционности русской буржуазии, ее дряблости, малокультурности, пресмыкательстве перед царизмом и т. п.¹ До сих пор используется лишь небольшая часть того, что дают труды В. И. Ленина для понимания развития и особенностей русской буржуазии.

Положив начало подлинно научному исследованию российского капитализма, Ленин одновременно пристально изучал все основные классы России в их развитии, в том числе и буржуазию. Основные пути ее образования В. И. Ленин показал еще в работах 90-х годов², а затем прослеживал шаг за шагом формирование русской буржуазии политически в класс, образование и эволюцию ее политических партий. При этом Лениным вскрывались основные социально-экономические особенности русской буржуазии, определявшие ее общественно-политические позиции в целом и ее отдельных групп и слоев. Необходимо подчеркнуть, что при крайне незначительном внимании и дореволюционной и советской литературы к истории русской буржуазии сегодня без трудов Ленина было бы даже невозможно подойти к сколько-нибудь общему научному представлению о развитии и ее особенностях в период капитализма. Источники для изучения российской буржуазии в период капитализма невелики. Дореволюционные статистические публикации не дают возможности установить даже общую численность буржуазии в стране.

Русская буржуазная литература, историческая и экономическая, не проявляла никакого интереса к истории господствующего класса капиталистического общества³. Меньшевистская же литература и публици-

¹ Поэтому иногда остается как-то в тени то обстоятельство, что русская буржуазия была сильным и опасным врагом рабочего класса, что при всей своей слабости как «класса для себя», буржуазия экономически, а затем и политически подкрепляла царизм как мощную, опытную и организованную контрреволюционную силу.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 312—320, 380—386, 475—476 и след.; см. также т. 2, стр. 390—406.

³ В русской буржуазной литературе нет сколько-нибудь обобщающей работы о русской буржуазии в период капитализма. Имеются лишь считанные работы по истории отдельных купеческих семей в дореформенный период или же издания, выпущенные владельцами некоторых крупных предприятий в связи с юбилейными датами их учреждения. Особняком стоит справочное издание Ч. М. Максимовича «Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем» (М., 1915) о владельцах текстильных предприятий. Все это относится, главным образом, к московской буржуазии. В трудах виднейших буржуазных историков, в трех дореволюционных энциклопедиях буржуазии как классу в России не уделено никакого внимания.

стика, исходя из своей концепции русской буржуазной революции, интересовалась русской буржуазией, искала симптомы превращения ее в ведущую социальную и политическую силу страны⁴.

В советской литературе серьезный шаг в изучении русской буржуазии был сделан лишь историками феодально-крепостнического периода⁵. К развитию же буржуазии в период капитализма проявили интерес только П. И. Лященко⁶ и авторы III и IV томов «Истории Москвы»⁷. Помимо этого в некоторых работах, посвященных монополистическому капитализму и экономической политике царизма, в качестве попутных результатов основного исследования содержатся новые документальные данные и обобщения, касающиеся вопросов формирования в 60—70-х годах крупной буржуазии в тяжелой промышленности, взаимоотношений московской буржуазии и царизма, ее эволюции в период империализма, процессов формирования финансовой олигархии⁸.

В данной статье делается попытка, опираясь на труды В. И. Ленина, подойти к обобщенному представлению о развитии и особенностях русской буржуазии после реформы 1861 г., что в дальнейшем может послужить началом более глубокого изучения этой темы. Слабая ее разработанность вынуждает ограничить сформулированную выше задачу. В центре изложения — крупная промышленная буржуазия, которая в период капитализма играет экономически ведущую роль и является признанным лидером всего крупного капитала. Несмотря на скудость источников; необходимо в какой-то мере осветить торговую буржуазию, которая в России занимала несоответственно для периода капитализма большое место⁹. Отсутствие в литературе минимально необходимых данных вынуждает отказаться от рассмотрения городской мелкой буржуазии. Почти ничего нельзя добавить в настоящее время к той весьма приблизительной характеристике, которую все же сумел дать П. И. Лященко местной буржуазии нерусских национальных районов

⁴ Основные работы — меньшевистский пятитомник «Общественное движение России в начале XX века», СПб., 1909—1912, книга А. О. Гущка (Ерманского) «Представительные организации торгово-промышленного класса в России», СПб., 1912 (вызвала широко известную критику Ленина. См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 39—55). К реформистской литературе примыкает книга П. А. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время», М., 1922. Она содержит большой фактический материал (главным образом об общественно-политической эволюции буржуазии), написана с объективистских позиций, но без таких тенденциозных преувеличений, как работа Ерманского.

⁵ Русская буржуазная литература изучала хозяйственную и сословную историю городов, но игнорировала классовое образование буржуазии. В отличие от этого, советские историки обратились к исследованию зарождения капиталистических отношений в XVII—XVIII вв. и формирования капиталистического уклада, а вместе с тем и процессов зарождения и складывания буржуазии в дореформенный период. За последние 15 лет появился ряд ценных монографий. И все же недостаточно еще исследован генезис промышленной буржуазии в России, нет обобщающей работы о формировании буржуазии до 1861 г.

⁶ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1952. В главах I, XIV и XV П. И. Лященко сделал единственную в нашей литературе попытку дать картину развития русской крупной промышленной буржуазии в целом и по отдельным, в том числе и национальным, районам. При этом он самостоятельно исследовал и наиболее полно осветил генезис и развитие московской крупной буржуазии.

⁷ «История Москвы» т. III, М., 1954; т. IV, М., 1954.

⁸ Ссылки, которые даются ниже на эти работы, означают одновременно ссылки на новые документальные данные, без прямых указаний на новые источники.

⁹ В основе этого лежала многоукладность экономики вплоть до 1917 г. Положение о ее многоукладности, которое полнее всего объясняет сложность и противоречивость социально-экономического строя России, было в наиболее обобщенном виде сформулировано В. И. Лениным в 1918 г. (Соч., т. 27, стр. 303; т. 32, стр. 328, 329). В иных менее законченных характеристиках это им высказывалось значительно раньше (напр., Соч., т. 13, стр. 406; т. 18, стр. 42; т. 24, стр. 427). Многоукладность российской экономики мало еще освещена в советской литературе, особенно относящейся к периоду империализма. Не обращалось внимания и на то, что эта многоукладность ярко отражалась в российской торговле.

России¹⁰. Важная для социально-экономической истории России тема о сельской буржуазии все еще недостаточно исследована и нуждается в отдельном рассмотрении.

Таким образом, темой статьи является только «одна буржуазия»¹¹ — социально-экономическое и общественно-политическое развитие и особенности российской крупной буржуазии в целом и ее основных групп — буржуазии промышленной, торговой и финансовой.

Из частных сюжетов, входящих в тему статьи, значительное внимание уделяется взаимоотношениям крупной буржуазии и царизма, также отношениям обоих эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков. Политические партии буржуазии, их возникновение и эволюция будут рассматриваться в самом общем виде, поскольку это необходимо для понимания общественно-политического лица крупной буржуазии¹². В этом плане не может быть обойден вопрос о формировании в России буржуазной интеллигенции. Этот относительно небольшой и социально несамостоятельный слой, помимо своих общественно-экономических и культурных функций, играет в капиталистическом обществе особую роль в формировании идеологии крупной буржуазии и в практическом осуществлении ее политики. Интеллигенция, указывал В. И. Ленин, «всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹³. Весьма существенна и роль буржуазной интеллигенции в распространении идеологического влияния буржуазии на широкие мелкобуржуазные массы¹⁴ (а кое-где на рабочих). Без этого крупная буржуазия, а позднее еще более малочисленная финансовая олигархия, не могут иметь достаточно широкой социальной опоры в капиталистическом обществе¹⁵.

В изложенных рамках автор стремится свести наиболее важное из того, что дают труды В. И. Ленина для понимания социально-экономического и политического развития и особенностей русской буржуазии, что имеет самостоятельное значение.

¹⁰ В изданиях по истории союзных и автономных республик, и то далеко не во всех, даются лишь краткие замечания о национальной буржуазии как классе.

¹¹ После революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин указывал: «В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов» — крупная буржуазия, которая делит политические привилегии с крепостниками-помещиками, находится с ними в союзе. Другая буржуазия — «очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян», ей не до привилегий, ей приходится решать вопрос о том, «чтобы не умереть с голоду от Пуришкевичей» (Соч., т. 17, стр. 513—514).

¹² Тем более, что история буржуазных партий в России и их позиции получили за последние годы значительное освещение в работах Е. Л. Черменского, И. В. Бестужева, А. Я. Авреха.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 30. См. также т. 9, стр. 191, где указывается, что «буржуазная интеллигенция более способна выражать широко понятое, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии».

¹⁴ «Сила» буржуазной интеллигенции, писал В. И. Ленин, есть «„сила“ узурпированная, зависящая от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, поскольку они не успели еще выработать себе ясной самостоятельной политической идеологии, поскольку они подчиняются идейному руководству буржуазной интеллигенции» (Соч., т. 11, стр. 343). Влияние интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплуатации и возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики, «влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно». Заражение широких масс, «способное принести действительный вред», требует «напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой» (Соч., т. 13, стр. 37).

¹⁵ Попытка охарактеризовать формирование буржуазной интеллигенции делается исходя из ее социально-экономических и политических позиций и взглядов, не касаясь идейного ее развития в философском и историко-философском плане. Вне рассмотренного остается столь характерная для России народническая интеллигенция, выражавшая интересы «другой буржуазии».

Первый большой этап формирования русской буржуазии и ее развития относится еще к дореформенному периоду и не входит в тему статьи. Все же для более отчетливого понимания развития и особенностей русской буржуазии в период капитализма необходимо вкратце остановиться на том тормозящем влиянии, которое оказывало долгое господство крепостнических отношений на формирование буржуазии в России¹⁶.

История русской буржуазии в период капитализма, от реформы 1861 г. до Великой Октябрьской социалистической революции, отчетливо делится на два этапа с рубежом в начале XX в. Но если в социально-экономическом развитии буржуазии таким рубежом было самое начало XX в., переход к империализму, то в общественно-политическом ее развитии — революция 1905—1907 гг. Именно тогда завершилось очень позднее в России формирование буржуазии политически в класс¹⁷.

1. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КОРЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД. КРУПНАЯ МОСКОВСКАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ

Исторически затянувшееся в России существование крепостного хозяйства оказало большое влияние на замедление процесса формирования буржуазии, в особенности крупной промышленной, и накопления ею капиталов. Весь мануфактурный период истории русской промышленности характеризуется развитием наряду с капиталистической также мануфактуры на крепостническом труде. Последняя преобладала в обрабатывающей промышленности до конца XVIII в., оставаясь живучей и в первой половине XIX в. Только начало промышленного переворота в 30—50-е годы приводит к резкому преобладанию вольнонаемного труда в обрабатывающей промышленности. В горнозаводской преобладание принудительного труда сохраняется и в канун реформы 1861 г.¹⁸

Такая особенность формирования капиталистического уклада в России способствовала значительному распространению в XVIII в. своеобразного дворянского «предпринимательства» в ущерб развитию буржуазии. Организуя посессионные и вотчинные мануфактуры, крупные крепостники расширяли феодальную эксплуатацию и потребительское использование доходов. Выходцы из купечества или удачливых мелких производителей, становясь крупными промышленниками, в ряде случаев добивались владения крепостными и одворянивались (Демидовы, Гончаровы, Баташовы, Твердышевы, Яковлевы и др.). Наряду с купечеством помещики, а особенно их сановно-чиновничьи верхи широко приобщались до XIX в. и к таким источникам первоначального накопления

¹⁶ Это имеет самостоятельное значение для решения весьма существенного вопроса, когда исторически завершилось формирование русской буржуазии как класса капиталистического общества. Для достаточно обоснованного суждения не хватает еще необходимых разработанных материалов. Нам кажется, что это произошло уже после реформы 1861 г. Лишь после нее, по мнению большинства советских историков, завершился промышленный переворот в России. Подчинение промышленному капиталу торгового и уж во всяком случае денежного капитала, формирование самой промышленной буржуазии завершилось после реформы, по-видимому, в 60—70-х годах.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 291; т. 13, стр. 103; т. 17, стр. 120.

¹⁸ По новейшей критической сводке имеющихся данных о крепостных и вольнонаемных рабочих в дореформенной мануфактуре доля принудительного труда в обрабатывающей промышленности составила в 1800 г.—58%, в 1825 г.—45,5% и только с 30-х годов при некотором абсолютном росте стала резко падать, достигнув примерно 20% в 1860 г. В горнозаводской промышленности положение изменялось мало — вольнонаемный труд к 1860 г. не превышал 20%. Таким образом, во всей крупной промышленности к 1860 г. число крепостных рабочих доходило до 40% всех рабочих. См. В. К. Яцунский. Крупная промышленность в России в 1790—1860 гг. В сб. «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», М., 1959, стр. 121, 126, 143, 163, 212—215.

капиталов, как колониальный грабеж, захват земель, торговые монополии, военные поставки, откупа и прямой грабеж казны. Это часгично вело и к обуржуазиванию отдельных представителей дворянства. Однако огромные доходы дворянской знати использовались в основном непроизводительно¹⁹ и в то же время значительно суживали накопление капиталов формировавшейся буржуазии, задерживая ее развитие.

К началу XIX в. торговый и торгово-ростовщический капитал все еще преобладал над промышленным, но уже наметился новый процесс формирования крупной промышленной буржуазии из среды мелких промышленников, в значительной мере крепостных крестьян. Этот путь стал в первой половине XIX в. основным в формировании коренной русской промышленной буржуазии. Однако торговля все еще оставалась большим источником доходов крупной буржуазии, которая и здесь пополнялась выходцами из крепостного крестьянства. При резком падении специфического дворянского «предпринимательства» намного повысилось значение казенных подрядов, поставок и, в особенности, откупов в качестве источников формирования состояний крупной буржуазии. Накопльавшиеся здесь капиталы направлялись в промышленность и торговлю.

Несмотря на прогрессирующее разложение, крепостной строй в первой половине XIX в. продолжал задерживать развитие капиталистических отношений и складывание крупной буржуазии. Это проявлялось с полной наглядностью в области кредита, частного и государственного. Существенной особенностью России была система докапиталистических казенных банков, где оседала подавляющая часть денежных капиталов страны, которые были растрачены в форме непроизводительных ссуд помещикам и «позаимствований» в казначейство для покрытия бюджетных дефицитов. Помимо того, монополия крепостнического государства задержала развитие финансовой буржуазии (банкиров), отвлекая вклады и лишая ее источников дохода от размещения госзаймов. Рост внутреннего госдолга в форме «позаимствований» (а не выпуска облигаций как на западе) не мог способствовать возникновению биржевой игры, акционерных обществ и т. п.

Крепостной строй создавал многочисленные трудности государственно-правового характера на пути формирования буржуазии в класс. Многие крупные капиталисты оставались длительное время крепостными на оброке. Сохранялись многочисленные сословные барьеры между классами, а также внутри самой буржуазии, формировавшейся не только из купцов, но и крестьян, мещан, выходцев из дворянства. В целом складывание буржуазии в первой половине XIX в. значительно подвинулось вперед, но она еще была немногочисленна. Известное представление об этом дают цифры о числе лиц мужского пола купеческого сословия в 1851 г.— около 180 тыс. (из них первой и второй гильдии, т. е. крупного купечества около 8 тыс.), тогда как число лиц дурховного звания было в 1,5 раза больше²⁰.

¹⁹ См. Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России, СПб., 1874.

²⁰ Подсчеты А. Кеппена по данным девятой ревизии приведены П. А. Берлиным (указ, соч., стр. 70—71). Вместе с лицами женского пола общая численность купеческого сословия с семьями достигала примерно 360 тыс. человек. Данные о гильдейском купечестве не охватывают той части буржуазии, средней и особенно мелкой, которая, кроме купцов третьей гильдии, состояла еще из лиц, учтенных в ревизии в сословиях мещан и крестьян. Косвенно о численности последних в городах дает некоторое представление соотношение купеческих гильдейских свидетельств и крестьянских свидетельств. На 100 первых приходилось в 50-х годах 16 вторых (и, кроме того, 0,7 дворянских). См. П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России, М., 1958, стр. 377—378.

Только быстрое развитие капитализма после реформы 1861 г. стало основой ускоренного численного роста буржуазии, увеличения ее богатства, усиления экономического положения и влияния. По примерным подсчетам, сделанным В. И. Лениным применительно к данным переписи населения 1897 г., численность крупной буржуазии (с членами семей) достигала 1,5 млн., городской зажиточной — 2,2 млн. человек²¹.

Одним из основных условий, определивших особенности развития русской буржуазии в период капитализма, являлась ликвидация крепостнических отношений сверху, при сохранении сильнейших крепостнических пережитков, влияние которых усугублялось тяжелым налоговым бременем. Реформа 1861 г. устранила крупнейшее препятствие для развития капитализма и роста буржуазии. Характер же проведения реформы создавал источник дешевой рабочей силы, что вело к чрезвычайно высокой норме эксплуатации в России. В то же время сохранение крепостнических пережитков в деревне суживало внутренний рынок для капиталистической промышленности, а вместе с пережитками в политической надстройке России задерживало «капитал в его средневековых формах»²². Это налагало отпечаток и на капиталистическую промышленность, но особенно значительно сказывалось в торговле.

Высокая норма эксплуатации способствовала росту крупной, весьма концентрированной фабрично-заводской промышленности, которая в то же время сочеталась с обилием кустарно-ремесленных заведений. Существовавшая же в России промышленная статистика заслоняла «„необычайную“ *раздробленность* тьмы мелких крестьянских предприятий»²³. Докапиталистический строй русской торговли медленно отступал перед капиталистической ее организацией. В первые десятилетия после реформы прибыли в торговле все еще приближались к размерам, характерным для периода первоначального накопления²⁴.

Наряду с высокой промышленной прибылью, не менее высокая торговая прибыль была важным источником обогащения российской крупной буржуазии. Это позволяло расширять производство в отраслях легкой и пищевой промышленности и увеличивать обороты в разных видах торговли за счет «внутренних накоплений». Немалым источником доходов и накоплений буржуазии служил рост городской земельной ренты, связанный с развитием городов и увеличением городского населения. Вложение значительной доли своих капиталов в городские земли и дома было характерно для всей российской буржуазии до конца XIX в., а на периферии страны и в начале XX в.

Приверженность коренной российской буржуазии к легкой промышленности и торговле оказалась чрезвычайно устойчивой.

Типичной для всей русской национальной крупной буржуазии являлась наиболее мощная и ведущая ее группа — крупная буржуазия Москвы и прилегающего к ней района. По своему экономическому значению и влиянию здесь преобладала крупная промышленная, преимущественно текстильная буржуазия. Формирование ее происходило еще в крепостнический период из крестьян — мелких скупщиков, реже — крупного купечества, начиналось с жестокой эксплуатации рабочих в мелких мастерских и гораздо более широкого круга «домашних» рабочих. Но уже в первой половине XIX в. родоначальники московских промышленных династий приступили к организации собственных фабричных предприятий. Развитие последних стало основой богатств наслед-

²¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 440—441.

²² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 272.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 42.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 293.

ственных семей крупных московских текстильных капиталистов. Главным источником образования их капиталов послужили огромные прибыли от жестокой эксплуатации промышленного пролетариата.

Насколько велики были накопления московской текстильной и особенно хлопчатобумажной промышленности, показывает пример одной из самых богатых наследственных семей капиталистов Морозовых. Их родоначальник при учреждении четырех морозовских фабрик располагал к 1840 г. примерно 200—300 тыс. руб. капитала. К 1914 г. главные предприятия четырех ветвей Морозовых имели 44 млн. руб. паевых капиталов, целиком принадлежавших самим Морозовым, а вместе с запасными капиталами — 73 млн. руб. Морозовские предприятия имели огромные скрытые резервы — их основные капиталы (имущество), достигавшие 95 млн. руб., были формально амортизированы на 73%. Фактически же в 70-миллионной сумме числившейся амортизации содержалось не менее 35—40 млн. руб. скрытых резервов, т. е. собственные капиталы предприятий достигали 110 млн. руб. Морозовы, подобно другим московским капиталистам, имели еще скрытые резервы в виде значительных принадлежавших их предприятиям земельных владений — до 50 тыс. десятины, приобретенных много десятков лет назад по низким ценам и фактически не переоцененных по балансам. Располагая материалами, товарами и наличными ценностями в 55 млн. руб., Морозовы по существу не имели долгов, так как их задолженность поставщикам и банкам была ниже тех товарных кредитов, которые они предоставляли своим покупателям. На четырех предприятиях работало 54 тыс. рабочих, оборудование состояло из 703 тыс. веретен и 14 тыс. ткацких станков, готовой продукции выпускалось на сумму до 102 млн. руб. Все это было достигнуто без участия посторонних капиталов, одним лишь выжиманием прибавочной стоимости²⁵.

Весьма сходным, хотя и в меньших масштабах, было положение основных текстильных предприятий, принадлежавших другим крупным московским промышленникам — Прохоровым, Рябушинским, Бахрушиным, Коншиным, Коноваловым, Третьяковым и др. Все эти предприятия сохранили до 1917 г. характер семейной собственности: они принадлежали узкому кругу родственников-пайщиков и в них не допускались другие капиталисты, тем более, что в сторонних средствах владельцы не нуждались и прибегали к их помощи лишь на короткие сроки.

Немалым источником образования крупных капиталов московской промышленной буржуазии являлись торговые прибыли. Для Москвы — центра российской внутренней торговли и крупного транспортного узла — была характерна тесная связь промышленного капитала легкой промышленности с торговым капиталом. В то же время основная промышленная продукция Москвы — текстиль по характеру сбыта требовала энергичного поиска рынков по всей России. Московские капиталисты проникали во все концы страны — на отдаленные рынки Сибири и Средней Азии, наконец, на зарубежные восточные рынки. Крупные московские фабриканты нередко сами организовывали сбыт в отдаленных районах страны.

Центральное положение Москвы чрезвычайно повышало ее роль во внутренней торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Москва являлась обширным резервуаром внутренних промышленных и торговых капиталов. Сюда стекались со всех концов страны торговцы за товарами. Сюда же шло громадное количество сырья для

²⁵ Подсчет богатств Морозовых был дан П. И. Ляшенко (указ. соч., т. II, М., 1952, гл. XV, стр. 444). Здесь он уточнен и пересчитан нами на основании балансов морозовских предприятий на конец 1913 г. Помимо этого, отдельные члены семейства Морозовых владели крупными личными капиталами (домами и другим недвижимым имуществом, паями и акциями других предприятий и банков и т. п.), что не поддается оценке в цифрах.

продажи и для переработки в центральном промышленном районе. Москва была как бы главным рассадником торговли внутри страны и на ее окраинах, московские торговцы, их приказчики и агенты были рассеяны по всей России, являлись активными участниками многочисленных ярмарок, сохранившихся еще в начале XX в. К Москве тяготела промышленная и торговая буржуазия не только центра России, но и обширных северных и восточных районов страны.

Особый интерес московский капитал проявлял к районам заготовки текстильного сырья. Московские фирмы еще в начальный период возникновения отечественного хлопководства проникли в Среднюю Азию, захватили заготовку и торговлю хлопком и были потеснены в этой области крупнейшими банками Петербурга лишь в начале XX в.

Характерной чертой московской крупной буржуазии было отсутствие тяги к вложению капиталов в тяжелую промышленность, в новые в стране отрасли, в новые промышленные районы. В основе этой особенности, присущей всей национальной промышленной и торговой буржуазии России, лежал высокий уровень эксплуатации, дававший в текстильной, пищевой и вообще в легкой промышленности огромные прибыли, и повышенная в условиях многоукладной экономики России прибыль торгового капитала.

Уровень прибыли хлопчатобумажной промышленности московского района был весьма значительным и притом устойчиво высоким. Этот уровень даже в исключительно благоприятные для тяжелой промышленности периоды, как подъем 90-х годов, был выше, чем в металлургии, не говоря уже об угольной промышленности, и немногим отставал от нефтяной. До конца 90-х годов предприятия Морозовых, товарищества Собиновской мануфактуры, Рабенек ежегодно выплачивали на свои пай дивиденд в размере от 15 до 25 и более процентов, увеличивая сверх того за счет прибыли свои капиталы. Типичным для остальных паевых хлопчатобумажных предприятий можно считать средний дивиденд в 10%²⁶. В 1900—1909 гг., когда прибыли в тяжелой промышленности, кроме нефтяной, резко снизились, уровень прибыли в московской хлопчатобумажной промышленности оставался высоким и даже во время предвоенного подъема мало отставал от южной металлургии. Отсюда становится понятным, почему московский крупный капитал за незначительными исключениями не делал попыток утвердиться даже в нефтяной промышленности — единственной крупной отрасли тяжелой промышленности с устойчиво высокой доходностью. Немногие металлообрабатывающие предприятия московского района были основаны не коренной местной буржуазией, а сторонними капиталистами: бр. Струве и Лесингом (Коломенский завод), Гужоном, Бромлей, Листами, Вогау и др., т. е. главным образом осевшими в России капиталистами иностранного происхождения, которые в текстильной промышленности составляли незначительное меньшинство (Кноп, Рабенек, Циндель). Зато чрезвычайно выгодная импортная торговля чаем в значительной мере была захвачена Москвой.

Для крупнейших московских промышленных капиталистов было характерно также сочетание владения крупными предприятиями легкой промышленности с ведением крупной торговли и приобретением весьма доходной городской недвижимости и домов. Показательной для характера московского капитала являлась крупнейшая, хотя и иностранного происхождения, фирма Вогау, сочетавшая активное участие в промышленности, в том числе даже в предприятиях тяжелой промышленности вне московского района, с крупной торговлей хлопком, сахаром, чаем.

²⁶ Прибыли здесь и ниже характеризуются на основании балансовой статистики и балансов московских текстильных предприятий, имевших форму паевых товариществ, балансов акционерных предприятий тяжелой промышленности и т. д.

Даже московские банки были организованы московской буржуазией по подобию их предприятий. Являясь как бы коллективными кредитными учреждениями крупного московского капитала, целиком приспособленными к его интересам, они даже в период империализма не стали самостоятельной силой. Помимо удовлетворения его нужд в кредите на месте, эти банки раскинули свои филиалы главным образом в районах заготовки сырья для московской текстильной промышленности, в хлопководческих районах Средней Азии и в льноводческих районах северо-запада России. Единичные местные банки грюндерского типа, вроде принадлежавших фактически банкирскому дому Л. С. Полякова, стояли гораздо ближе к основным московским банкам, чем к петербургским. Учредительские операции самого банкирского дома были направлены отнюдь не на проникновение в промышленность, а на организацию неудавшихся предприятий в Персии, крупной хлопкозаготовительной торговой фирмы в Средней Азии, обществ домостроения и приобретения лесных имений, т. е. в направлениях, характерных или совпадающих с интересами московского капитала²⁷.

Переходя к периферийной коренной русской буржуазии, следует прежде всего иметь в виду, что в России значение торговой буржуазии было относительно выше, чем в индустриальных странах Запада, и это особенно сказывалось в менее промышленных районах, таких как Север, Среднее и Нижнее Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. В. И. Ленин отмечал живучесть в первые десятилетия пореформенного периода старого торгового и торгово-ростовщического капитала²⁸. Но и позднее значение торгового капитала оставалось в условиях многоукладной экономики России относительно высоким.

Прежде всего во всем товарообороте, и внутреннем и экспортном, сельскохозяйственная продукция еще преобладала над промышленными товарами. Продвижение товаров от мест производства к местам их потребления было медленным из-за больших расстояний, недостаточности железнодорожной сети и плохой организации товарного движения, слабого развития шоссейных и грунтовых дорог. Не меньшее влияние на замедление товарооборота имели социально-экономические условия, порождавшие узость внутреннего рынка и резкие колебания спроса на товары в зависимости от чрезвычайно сильных изменений урожая хлебов. К этому еще присоединялась устаревшая организация русской торговли. Под действием всех указанных причин в разных звеньях торговли на складах и в пути накапливались значительно большие, чем на Западе, запасы. В этих условиях для оборота одинаковой по величине массы товаров в России требовались намного большие капиталы, чем в западных странах.

Отсталость организационных форм торговли выражалась в большой живучести и распристанности ярмарочной торговли, которая отличалась многими чертами, противоречившими строю капиталистической торговли²⁹, в обилии, особенно на окраинах, мелких посредников, грабивших крестьян и других мелких производителей. Одной из характерных черт российской торговли был низкий ее культурный уровень, выражавшийся в несоблюдении сроков поставок, невыполнении условий по качеству поставляемых товаров, неорганизованности их сортировки

²⁷ См., помимо указанной выше литературы о московской буржуазии, еще «Московские банки» в «Истории Москвы», т. IV, М., 1954, стр. 208—218; «Материалы по истории СССР», т. VI, М., 1959, стр. 641—660 и след. (о Вогау); И. Ф. Гиндин. Неуставные суды Государственного банка и экономическая политика царского правительства, «Исторические записки», 1950, т. 35 (о Л. С. Полякове).

²⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 409; т. 4, стр. 53—54; т. 3, стр. 56, 152—153.
²⁹ В 1904 г. ярмарочный оборот достигал 1 млрд. руб., в стране насчитывались десятки крупных и средних, тысячи мелких ярмарок; См. С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки, М., 1958, стр. 681.

из-за недостаточного развития складской сети, что делало невозможным заключение сделок по образцам.

И без того высокие цены на промышленные товары намного взвинчивались в низовых торговых звеньях, где они доходили до деревенского потребителя. На рубеже XX в. железо при оптовой цене 4 коп. за фунт продавалось в деревне по цене до 7 коп.³⁰ Подобное положение было и в хлебной торговле до начала ее широкого кредитования Государственным и частными банками в 90-е годы. Местные скупщики — купцы и кулаки, являлись монополистами-покупателями, скупали хлеб по крайне низким ценам и имели огромные торговые прибыли. На окраинах же страны, в торговле другими сельскохозяйственными продуктами аналогичные формы эксплуатации мелких производителей торговым капиталом сохранились и в начале XX в.

В северных и восточных районах промышленная буржуазия, в сущности, еще не отделилась до конца от торговли. Важнейшими источниками ее состояний были торговля, в первую очередь хлебом, судоходство, доходы от городских владений. Хлебная торговля нередко совмещалась с мукомольной промышленностью; крупные торговцы-купцы обзаводились разными предприятиями легкой и пищевой промышленности (на Севере — лесопильными заводами, в Восточной Сибири — золотыми приисками). В крупной розничной и даже в оптовой торговле совмещалась в одних руках торговля самыми разнородными товарами, как хлеб, мануфактура или лес³¹. И на основе соединения торговых и промышленных операций с явным преобладанием торговых вырастали огромные состояния таких капиталистов, как А. Н. Второв в Сибири или Мешковы в Поволжье³².

Изложенное дает ключ к пониманию таких «свойств» коренной русской буржуазии, как недостаточная хозяйственная активность или малая в ее основной массе культура.

В русской буржуазной литературе в качестве неотъемлемой психологической и чуть ли не национальной особенности крупной буржуазии утвердились такие черты, как инертность, безынициативность, слабая предприимчивость. Русской буржуазии, не проявлявшей склонности к новым отраслям промышленности или малоразвитым, но перспективным в промышленном отношении окраинам, противопоставлялись инициативные капиталисты иностранного происхождения. На самом же

³⁰ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1901, № 19, стр. 294.

³¹ При отсутствии обобщающих источников, по которым можно получить представление о составе и направлении деятельности провинциальной буржуазии, ценным источником являются клиентские печатные списки Государственного банка по вексельным операциям в разрезе каждого филиала банка и с указанием размеров кредита, открытого каждому клиенту. («Списки лиц и фирм, аккредитованных в конторах и отделениях Государственного банка для предъявления к учету векселей, с указанием долгов (на такую-то квартальную дату)» ЦГИАЛ. Научно-справочная библиотека.) Против каждой фирмы или фамилии указан род деятельности клиента (пром. предприятие такой-то отрасли или виды торговли). Насколько «представительный» материал содержит клиентские списки, можно судить по следующим данным. Число клиентов Государственного банка по вексельным операциям в 1913 г. доходило до 28 тыс., что на 30% превышало число всех вместе взятых акционерных обществ, единоличных предприятий с числом рабочих свыше 50 человек и торговых оптовых фирм по всей стране. Клиентские списки филиалов таких городов, как Ташкент, Баку, Тбилиси, Вильнюс, Минск, Варшава, дают известное представление о национальном составе буржуазии. К этому нужна лишь поправка на то, что наиболее крупные капиталисты могли кредитоваться не на месте, а в Петербурге, иногда в Москве и фигурировать там в клиентских списках.

³² Ввиду неизученности периферийной буржуазии здесь названы те ее представители, которые во втором-третьем поколениях стали, перебазировавшись в столицы, финансовыми магнатами или владельцами крупнейших пароходных фирм на Волге (Мешковы). Сколь крупные капиталисты имелись даже в захолустных городах Поволжья, показывает следующий факт. Вдова купца из города Чистополя завещала в 90-х годах 1700 тыс. руб. на «богоугодные дела» и вечное «поминование душ» ее самой и родственников (ГИАМО, ф. 450, оп. 11, д. 36, л. 13).

деле коренной русской буржуазии не меньше, чем иностранной, были свойственны и активная погоня за прибылью, и предпринимательская «инициатива» в выжимании прибавочной стоимости в старых отраслях, в использовании всех докапиталистических форм эксплуатации в русской торговле. Но именно это лишало коренную буржуазию стимулов проникать в новые отрасли и районы, которые требовали относительно более высоких капитальных вложений, выжидания срока освоения до получения крупных доходов. Наоборот, те же отрасли и районы были достаточно привлекательны для иностранных капиталистов по сравнению с нормальным для периода домонополистического капитализма уровнем средней прибыли на их родине. Хозяйственная активность и предпринимательская инициатива русской буржуазии могла «европеизироваться» лишь при условии ликвидации всех экономических, социальных и политических крепостнических пережитков. При сохранении же их новые отрасли и районы становились естественным полем деятельности сначала капиталистов иностранного происхождения³³, а позднее — иностранного финансового капитала и не потому, что они «завоевывали» эти отрасли и районы, а потому, что русский капитал в массе туда не шел.

Широкое распространение в торговле наиболее грубых форм эксплуатации, в том числе докапиталистических, повышенный удельный вес торговой буржуазии, ее переплетение с промышленной в периферийных районах страны вместе с сохранением старой «азиатчины» во всей общественно-политической жизни объясняют также и малокультурность буржуазии. Поэтому и в среде более развитой крупной промышленной буржуазии ее верхний культурный слой оставался численно незначительным.

2. РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗИИ В ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПЕТЕРБУРГСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Особыми путями шло формирование российской крупной буржуазии в тяжелой промышленности и в железнодорожном транспорте, являвшемся в условиях пореформенной России ведущим звеном капиталистической индустриализации.

Старейшая отрасль российской промышленности — металлургия Урала и центрального района — оставалась в руках полуфеодальной стародворянской «буржуазии» (в центре до конца XIX в., на Урале до 1909—1912 гг.). В новых же отраслях тяжелой промышленности возник слой крупной буржуазии, отличавшийся от коренной русской промышленной буржуазии и по происхождению и еще больше по источникам образования своих капиталов.

В отличие от легкой промышленности, новые отрасли нуждались с самого начала в привлечении капиталов со стороны. Характерное для всех «молодых» капиталистических стран превышение потребности в капиталах над их внутренним накоплением было в России особенно значительным. Огромные денежные капиталы были растрочены до 60-х годов через систему дореформенных банков. Но и в период капитализма при высокой норме эксплуатации процесс образования денежных капиталов тормозился крепостническими пережитками. Весьма значительную часть денежных капиталов царское правительство посредством государственных займов использовало на военные расходы и на покрытие бюджетных дефицитов в мирное время или отвлекало на непроизводительные ипотечные кредиты помещикам (через Дворянский

³³ Такие оседавшие в России капиталисты также предпочитали до конца XIX в. торговлю (экспортную) и легкую промышленность (см. подробно ниже).

и другие земельные банки). Все это обостряло недостаток в капиталах для железных дорог и тяжелой промышленности.

При всей половинчатости и незавершенности реформы 1861 г. она неизбежно влекла за собой поворот всей экономической политики правительства. Классовая основа ее оставалась прежней. Правительство стремилось к сохранению и укреплению политической власти и экономических привилегий помещиков, но для достижения этой цели в новых условиях вынуждено было активно способствовать экономическому развитию страны по пути капитализма, подводить новый социально-экономический базис под самодержавие. В условиях сохранения крепостнических пережитков общие меры экономической политики, способствующие развитию капитализма, из них на первом месте высокая таможенная охрана, оказывались недостаточными. Правительство вынуждено было вступить на путь форсирования капиталистического развития страны методами непосредственного государственного вмешательства, что в целом совершенно несвойственно периоду домонополистического капитализма на Западе. Базой государственного вмешательства было огромное в России государственно-капиталистическое хозяйство и крупнейшие для XIX в. военные расходы в мирное время. Объектом форсированного развития были, в первую очередь, железные дороги и обслуживающие их отрасли тяжелой промышленности (производство рельсов, подвижного состава), предприятия военной промышленности, отдельные предприятия других отраслей тяжелой промышленности, с 90-х годов — создание самостоятельной металлургической базы в стране. Особая поддержка оказывалась частным банкам, сначала в годы их возникновения (1863—1873) ради ускорения формирования капиталистической кредитной системы, а на последующих стадиях ее развития — ради укрепления банков. Такая политика проводилась в период подъема и роста хозяйства и сменялась во время кризисов и застоя широкой поддержкой вплоть до сохранения искусственными мерами существования банкротившихся предприятий и банков.

На первом этапе усиленного железнодорожного строительства (1860—70-е годы) оно велось почти целиком за счет иностранных капиталов, но при решающем участии правительства в их привлечении — путем государственных займов, явных или прикрытых гарантиями правительства. Российские же учредители ж. д. обществ почти бесконтрольно осуществляли строительство и эксплуатацию дорог с ничтожными собственными капиталами и колоссально обогащались за счет государственных средств. При этом правительство еще вынуждено было при системе гарантий субсидировать убыточные железные дороги. Железнодорожное строительство стало главной причиной роста внешнего государственного долга и дефицитности госбюджета в мирное время. Весьма существенной была в 60—80-х годах роль государственного участия в образовании капиталов (по сравнению с ж. д. незначительных) и даже управлении первыми крупными предприятиями новых отраслей тяжелой промышленности (передельная металлургия, транспортное машиностроение, военные заводы)³⁴.

Так возник целый слой российских капиталистов — железнодорожных дельцов, предпринимателей тяжелой промышленности, банковских заправил, которые своим обогащением во многом, а подчас и целиком были обязаны правительству.

Происхождение этого слоя было пестрым и случайным. Он формировался лишь частично из лиц, бывших и до того крупными капиталистами — прежних откупщиков, банкиров, крупных торговцев Петербурга. В большей мере для нового слоя крупных капиталистов были

³⁴ См. И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892), М., 1960, гл. I и III.

характерны выходцы из малосостоятельных слоев буржуазии, военных и путейских инженеров, бывших крупных чиновников, обуржуазившихся дворян, вообще лиц, обладавших наряду с «деловыми» качествами умением или возможностью устанавливать и поддерживать связи с правительственным аппаратом.

Среди новых дельцов выделялись в 60—70-х годах железнодорожные «короли» — С. С. Поляков, П. И. Губонин, С. И. Мамонтов, П. Г. Дервиз, Н. Ф. Мекк и др. Весьма сходным путем создавались группы крупной буржуазии в упомянутых отраслях промышленности. Большинство учредителей первых заводов — такие, как братья Г. и А. Струве, Обухов, Н. И. Путилов, Голубев, тот же Губонин, князь Тенишев, В. А. Ляский — вместе с другими, уже совершенно случайными учредителями вложили весьма незначительные собственные средства в возглавляемые ими предприятия. Единственным исключением были Мальцовские заводы, выросшие на крепостном труде и модернизовавшиеся с 60-х годов, и то при значительной поддержке правительства. Решающим для развития всех этих предприятий являлось правительственное участие и скрытые субсидии.

Часть важнейших новых заводов по существу обанкротилась и перешла в 80-х годах на иждивение правительства (Путиловский, Невский, Мальцовские и др.). Два крупнейших военных завода — Балтийский и Обуховский — сначала фактически, а затем и юридически стали государственными. Наиболее крепкие предприятия (Брянское общество, Варшавское — Южно-русское днепровское) их владельцы сочли выгодным в 80—90-х годах продать иностранным капиталистам. Различные дельцы-учредители, пользовавшиеся огромной правительственной поддержкой — В. А. Кокорев, С. Д. Башмаков и др. — создавали временно целые конгломераты разнообразных предприятий, наживали на правительственной помощи крупные состояния, но только частично, опять-таки с помощью правительства, сохранили их в дальнейшем³⁵.

В целом за 1860—1880-е годы ни из железнодорожных королей, ни из разных дельцов-учредителей не создался сколько-нибудь влиятельный и даже устойчивый слой крупной буржуазии в тяжелой промышленности. Не получился он и из дельцов-учредителей 90-х годов, опиравшихся в годы своего расцвета на использование крупных банков (А. К. Алчевский, П. П. Дервиз-сын, частично Л. С. Поляков и С. И. Мамонтов). Все они обанкротились, и во время кризиса 1900—1903 гг. их предприятия превратились в объекты правительственной поддержки.

Прочная база под тяжелую промышленность была подведена притоком иностранных капиталов в 90-х годах, а позднее капиталами, полученными через посредство русских крупных банков. Единственным значительным исключением была нефтяная промышленность, где на почве первоначальной легкой фонтанной добычи извлекались огромные доходы и выросли крупные капиталисты вроде Нобеля, Манташева, Лианозова, Гукасова и др. Но и этот слой не имел тесной связи с широкими кругами коренной русской буржуазии и очень скоро стал ее экономическим антагонистом.

Как уже указывалось, в дореформенной России не могла сложиться финансовая буржуазия в виде влиятельных банкиров и банкирских домов, которые в других странах становились основными учредителями капиталистических акционерных банков. Поэтому в пореформенной России состав учредителей важнейших в стране петербургских банков был не менее случайным, чем в железнодорожных обществах и предприятиях тяжелой промышленности, с той только разницей, что здесь заметно было участие представителей крупной столичной буржуазии. Развитие банков и их успехи в течение второй по-

³⁵ См. И. Ф. Гиндин. Указ. соч., гл. V и VI.

ловины XIX в. в значительной мере зависели от правительственной поддержки.

Еще с конца XVIII в. определились иные пути формирования крупной петербургской буржуазии, отличные от путей складывания московской буржуазии. Экономическое значение Петербурга выявилось раньше всего во внешней торговле, особенно в экспорте сырья через главный морской порт России. На этой основе вырос крупный торгово-купеческий капитал столицы, не сыгравший, однако, сколько-нибудь заметной роли в создании будущего промышленного центра России. Петербургская промышленная буржуазия не имела предшественников из числа удачливых мелких производителей. Даже текстильная промышленность Петербурга и его района, вторая по значению в стране, возникла в виде крупных фабричных хлопчатобумажных и шерстяных предприятий. Казенные заводы военной промышленности XVIII в. были предшественниками крупной металлообрабатывающей промышленности Петербурга. Первые предприниматели этой отрасли с самого начала пользовались прямой правительственной поддержкой (напр., Берд — с 20-х годов XIX в., несколько позже Огарев и др.) вплоть до передачи им казенных заводов — Александровского и будущего Путиловского. С основания последнего в 1802 г. до 1868 г. менялись его владельцы, завод дважды брался в казну, а впоследствии передавался частным капиталистам. Правительственной поддержкой пользовались в первой половине XIX в. и крупные петербургские предприниматели легкой промышленности (текстильный фабрикант Битенпаж, братья Кусовы и др.), учредители крупных акционерных предприятий предреформенных лет (напр., Русское общество пароходства и торговли).

Новый слой крупной буржуазии, возникший в пореформенный период в результате широкой правительственной поддержки, в большинстве своем вливался в петербургскую крупную буржуазию³⁶, еще более усиливая особый характер ее формирования.

Железнодорожные общества и крупные акционерные предприятия тяжелой промышленности, речного и морского транспорта, независимо от их территориального местонахождения, учреждались в Петербурге (исключением был лишь Польский район). Здесь находились их правления, и они обслуживались петербургскими банками. Таким образом, в пореформенный период в Петербурге все более концентрировалась крупная буржуазия тяжелой промышленности даже отдаленных от столицы районов, как нефтяной Баку или золотодобывающая промышленность Сибири.

Петербург в пореформенный период стал финансово-банковским центром страны, а петербургская биржа — единственной фондовой биржей, имевшей всероссийское значение и связанной с важнейшими заграничными биржами. Среди акционерных предприятий Петербурга и других районов, но с местонахождением правлений в Петербурге семейные предприятия, столь характерные для Москвы, составляли меньшинство. К доходам промышленной буржуазии через владение акциями приобщалась и непромышленная буржуазия столицы; в участие в предприятиях, во владение акциями, биржевую спекуляцию втягивались представители дворянской знати, зажиточные чиновники и т. д.

Характерной особенностью крупной петербургской буржуазии в XIX в. (в первой и второй половине) являлось заметное число капиталистов иностранного происхождения, которые осели в России. Такие капиталисты были среди крупных петербургских экспортеров, текстиль-

³⁶ Из железнодорожных и промышленных дельцов 60—70-х годов только Губонин, Кокорев, Мамонтов принадлежали к московской буржуазии, но не к ее основному ядру (все они нашли первоначально свои состояния на откупах), причем Губонин и Кокорев с 60-х годов больше тяготели к Петербургу.

ных фабрикантов (Битенпаж, Торнтон и др.) и еще больше среди первых предпринимателей металлообрабатывающей промышленности (Берд, Кер и Макферсон, Грегор, Мертен, Мюрмед, Пастор и Эйлер и др.). К ним относился и ряд петербургских банкиров первой половины XIX в., из которых выдвинулся только Штиглиц, банкир правительства и высшей знати, главный посредник по размещению русских дореформенных государственных займов за границей.

Капиталисты иностранного происхождения переезжали в Россию, не имея сколько-нибудь значительных личных капиталов, но некоторые из них нажили в России многомиллионные состояния и притом не столько в промышленности, сколько в экспортной и импортной торговле. По свидетельству крупного чиновника Министерства финансов и Государственного банка Е. Э. Картавцева, помимо наследников Штиглица и его родственников Винекенов в конце XIX в., восемь семейств иностранного происхождения в Петербурге имели многомиллионные состояния. Из них к промышленной буржуазии относились Нобели, Утеман (один из основных владельцев резинового завода «Треугольник»), Торнтон и отчасти банкиры Мейеры, основатели и владельцы крупнейшей «Компании Петербургского металлического завода». Остальные же четыре семьи — все английского происхождения — разбогатели в экспортной торговле. Кларки, которых Картавцев называет самой крупной в России фирмой по экспорту хлеба, Брандты — «вторые по хлебу и первые по экспорту леса», Колли — «комиссионеры по хлопку, шерсти, сахару», Миллеры (масло, стеарин, пиво и прочее). Личные состояния Нобелей и Утемана (так же как и крупнейших заводчиков иностранного происхождения на юге страны — Юза и содового заводчика Сольве) оценивались Е. Э. Картавцевым «в пределах» одного десятка миллионов рублей, состояния же наследников Штиглица, Мейеров и четырех экспортных фирм — «десятками миллионов»³⁷.

Следует подчеркнуть, что указанные капиталисты не были представителями каких-либо заграничных капиталистических групп, а действовали в России в собственных интересах³⁸. Петербургская буржуазия пополнялась как за счет капиталистов нерусских национальностей (из Прибалтики, Польши, Закавказья), так и капиталистов заграничного происхождения.

Развитие в России хотя и неравных по значению двух центров экономики и разные пути складывания петербургской и московской буржуазии привели к тому, что вся российская буржуазия имела два центра притяжения. Если экономически в целом преобладал Петербург, то в социальном и общественно-политическом отношении национальная русская буржуазия больше тяготела к Москве.

³⁷ ЦГИАМ, ф. 567 (ф. А. Н. Куломзина), д. 84, 1899. Оговаривая, что Москву он «знает плохо», Картавцев называет четыре фирмы «архимиллионеров» — торгово-промышленные предприятия Кюпа и Вогау и чисто текстильные предприятия Рабенеков и Цинделя. Зато среди южных внешнеторговых фирм, главным образом греческого происхождения, Картавцев насчитывает, во-первых, пять в Одессе — Анатра, Скараманга, Моравли, Масс, каждая из которых «представляет около десятка миллионов», и Ралли, которого «ценят от 25 до 30 миллионов», во-вторых, три семьи ростово-тагарских капиталистов — Кондоюнаки, Родоконаки и Петрокино. У каждого из членов этих семей несколько миллионов, но ни у кого не доходит до 10 млн. руб. Варшавских банкиров и ж. д. дельцов — Блюха и Кронеберга, национальное происхождение которых не поддается точному выяснению, относят «к числу пяти самых богатых людей России», а состояния сахарозаводчиков Бродских, выходцев из Австрии, оцениваются в 35—40 млн. руб. Все эти цифры основаны на оценках личных состояний в деловых кругах, к которым был близок Картавцев, на конфиденциальных сведениях об имущественном положении, которые требовал от своих клиентов Государственный банк и т. д.

³⁸ То же самое относится и к банковским заправилам иностранного происхождения, вроде близкого к Витте австрийца Ротштейна, руководителя крупнейшего Петербургского Международного банка.

3. ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ. ЕЕ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ

Политика форсирования капиталистического развития вела к сближению высших сановников и ведущих чиновников с крупными капиталистами. Правительственный аппарат проникался их интересами, и в пореформенных официальных документах поддерживаемые предприятия, банки и даже «дела» капиталистов вроде Кокорева характеризовались как «имеющие государственное значение». Видные чиновники с 60-х годов прямо и широко приобщались к доходам крупной буржуазии, оставаясь на государственной службе. Они выступали в качестве соучредителей ж. д. обществ, членов правлений, управляющих или «специалистов» в банках и крупных предприятиях, что получило у современников наименование «совместительство». Одним из наиболее известных «совместителей» был ближайший помощник министра финансов М. Х. Рейтерна и бессменный управляющий Государственным банком с 1866 по 1881 г. Е. И. Ламанский. Он был соучредителем железнодорожных обществ, в разное время возглавлял три крупных петербургских банка. «Совместительство» получило настолько широкое распространение, что вызвало резкое недовольство помещиков, пытавшихся во время реакции 80-х годов поставить государственный аппарат целиком на службу своим интересам и порвать упрочившиеся и притом легализованные его связи с крупным капиталом. По личному распоряжению Александра III и под его прямым давлением на Комитет министров в 1885 г. был принят закон о запрещении «совместительства» чиновникам высших классов³⁹.

Закон не дал практических результатов и не нарушил интимной близости верхов русской буржуазии с правительственным аппаратом. Укрепление этих связей, наоборот, способствовали широкое государственное вмешательство и весьма значительные в России хозяйственные функции государственного аппарата, которые были притом питательной средой для взяточничества. Для высших чиновников сохранялась полная возможность участвовать своими личными «сбережениями» во владении акциями и биржевой спекуляции. Участие чиновников в управлении особо поддерживаемыми предприятиями и банками стало проводиться на основе отдельных «высочайших» разрешений. Наконец, участились случаи перехода крупных чиновников с государственной службы на руководящие посты в предприятиях и банках. Для 80—90-х годов характерна такая фигура, как чиновник-делец К. А. Скальковский, экономист, публицист, музыкальный критик, директор Горного департамента, а в конце 90-х годов — член правления по крайней мере 5 крупных предприятий и председатель совета Русского для внешней торговли банка. В 1887 г. крупный инженер и ученый и не менее крупный делец-финансист И. А. Вышнеградский стал министром финансов. Эти связи ведущих чиновников с крупной буржуазией укрепляли благоприятствующую ей экономическую политику.

Наряду с экономической опорой в развитии капитализма в стране самодержавие получало существенную социальную опору в промышленной буржуазии или, во всяком случае, во влиятельных ее слоях. Эти слои отнюдь не ограничивались буржуазией особо покровительствуемых отраслей, непосредственно зависевших от государственной поддержки и спроса. Выросшую в отраслях легкой и пищевой промышленности коренную русскую буржуазию самодержавие ограждало

³⁹ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 356—360. (О Ламанском), стр. 69—70 (о запрещении «совместительства»).

высокой таможенной охраной от иностранной конкуренции. Наиболее влиятельные группы национальной промышленной буржуазии пользовались поддержкой государства и способами прямого государственного вмешательства. Например, в интересах московской крупной буржуазии правительство спасало банки, в которых она была заинтересована, или проводило «безболезненную» для московских капиталистов ликвидацию их, оказывало экстренную финансовую помощь при общих экономических затруднениях и т. д.⁴⁰

Главное же, социально-политические условия России, самодержавие с его политическим угнетением и бесправием рабочих и крестьян обеспечивали всей русской буржуазии возможность самых грубых и в то же время «удобных и доходных» форм эксплуатации. Капитал приносил в России «в два-три раза больше прибыли, чем в Европе» — „русскую“ сверхприбыль⁴¹. Страх перед массовым рабочим движением привязывал буржуазию политически к самодержавию. Сверх того, по изложенным причинам крупная буржуазия становилась и экономически заинтересованной в существовании самодержавия⁴².

В то же время росло влияние буржуазии на правительственную экономическую политику. В. И. Ленин еще в первых своих работах указывал, что в пореформенный период правительство «„поддерживало, охраняло и создавало“ только буржуазию и капитализм», что буржуазия «давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики», что правительство в России «благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде», что «правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение», мнение помещиков и капиталистов в равной мере⁴³.

Еще в дореформенный период, в 20-х годах, правительство учреждает «Мануфактурный» и «Коммерческий» советы — бюрократические органы с участием крупных промышленников и торговцев. Оба совета оказались мертворожденными учреждениями. Не получил сколько-нибудь существенного значения и созданный в 1872 г. на аналогичных основаниях «Совет торговли и мануфактур». В 60—70-х годах возникли такие буржуазные общественные экономические организации, как «Общество содействия развитию промышленности и торговли», «Русское техническое общество», в которых преобладала формирующаяся буржуазная интеллигенция, но мало принимали участие крупные капиталисты. В 1870 и 1882 гг. состоялись первые два торгово-промыш-

⁴⁰ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., гл. VII, § 2.

⁴¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 268. В. И. Ленин указывал на «обломовски доходные» формы эксплуатации и «русскую» сверхприбыль в 1912 г., когда в крупной промышленности рабочий день сократился до 10 часов. Во второй половине XIX в. такие формы эксплуатации были выражены гораздо сильнее.

⁴² Многообразная экономическая заинтересованность русской крупной буржуазии в существовании самодержавия была сведена у И. В. Сталина к упрощенному объяснению, касающемуся лишь отдельных групп крупной буржуазии и неточно сформулированным и для этих групп: «прямой зависимостью русской буржуазии от казенных заказов» («Вопросы ленинизма», XI изд., стр. 37). В этом объяснении выпало главное — заинтересованность всей крупной буржуазии в сохранении самых грубых форм эксплуатации, а также многообразие способов государственной поддержки отдельных групп крупного капитала. В частности, в тех отраслях, которые прямо зависели от государственного спроса, правительство поддерживало крупную буржуазию не одними казенными заказами, а еще субсидиями, долгосрочными ссудами, участием в управленческих предприятиях и др. В «Истории ВКП(б). Краткий курс» это же положение еще более усилено и особо подчеркнута экономическая слабость русской буржуазии накануне Октября. Она охарактеризована как неокрепшая еще экономически и целиком зависевшая от правительственных заказов (стр. 202. Подчеркнуто нами.— И. Г.). В. И. Ленин, напротив, указывал еще в 1905 г., что «зависимость самодержавия от буржуазии всяя России есть самая сильная материальная зависимость», а в 1917 г. отмечал, что буржуазия «давно правит нашей страной экономически» (Соч., т. 9, стр. 368; т. 23, стр. 297).

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 241—242, 252; т. 2, стр. 93, 95.

ленных съезда, на которых задавали тон представители буржуазной интеллигенции и дельцы-чиновники, как Скальковский.

Гораздо большую «общественно»-экономическую активность крупная буржуазия проявляла в своих узко групповых «представительных» организациях. Такими стали некоторые биржевые комитеты в городах с преобладанием промышленной буржуазии и раньше всех Московский биржевой комитет. С 70-х годов возникли отраслевые «представительные» организации, из них первыми были начавшиеся в 1874 г. ежегодные «съезды горнопромышленников Юга России» с постоянным органом «уполномоченных», позднее Советом съездов, затем Совет съездов нефтяной промышленности, общероссийская «Постоянная Совецательная контора железозаводчиков» (1887) и др.

Правительство поощряло возникновение отраслевых классовых организаций крупной промышленной буржуазии, проявляло даже инициативу в создании некоторых из них, чиновники председательствовали на ежегодных съездах, что ускоряло доведение до правительственного аппарата пожеланий и домогательств капиталистов. Они сводились к узкохозяйственным интересам данной группы капиталистов, к изменениям в их пользу таможенных и ж. д. тарифов, строительству в районе ее деятельности новых железных дорог, к специальным для данной отрасли льготам, к возражениям против любых попыток повысить ничтожное в России налоговое обложение крупной буржуазии и особенно в чем-либо ограничить грубейшие формы эксплуатации рабочего класса (ночная работа, штрафы, труд женщин и подростков и т. д.). Самую большую и устойчивую активность крупная промышленная буржуазия проявляла в домогательствах дальнейшего повышения таможенных пошлин⁴⁴.

Однако до революции 1905—1907 гг. еще не сложились устойчивые формы влияния буржуазии на правительственную политику. Царская бюрократия явно предпочитала неофициальное общение с видными представителями крупного капитала. Еще в конце дореформенного периода отмечалось влияние Кокорева на экономическую политику министра финансов Вронченко. Чрезвычайно расширилось личное общение руководителей правительственной экономической политики с железнодорожными и другими дельцами-учредителями, банковскими заправилами при министре финансов М. Х. Рейтерне (1862—1878 гг.). Немалые заботы о крупной буржуазии проявил «либеральный» Н. Х. Бунге. Однако своим недостаточно энергичным взвинчиванием протекционизма и робким фабричным законодательством он вызвал антипатию крупной буржуазии. Политика его преемника И. А. Вышнеградского соответствовала домогательствам крупной буржуазии в области взвинчивания таможенных пошлин и в сужении роли и функций фабричной инспекции.

При Витте общие меры экономической политики и методы государственного вмешательства предельно использовались для форсирования развития железных дорог и тяжелой промышленности, и все это сочеталось с особым покровительством железнодорожным, промышленным и банковским дельцам и с широким непосредственным общением с ними самого Витте и его ближайших помощников⁴⁵. Вместе с тем в ряде органов Министерства финансов, где раньше представители крупной буржуазии участвовали от случая к случаю (тарифные комиссии),

⁴⁴ См. М. Н. Соболев. Наша таможенная политика во второй половине XIX в., Томск, 1911.

⁴⁵ Откровенно делая ставку на всякого рода учредителей и дельцов, Витте писал: «На новые пути, открываемые общим улучшением экономических условий, всегда вступают сначала лишь наиболее предприимчивые хозяйственные единицы, только люди смелого почина, только удачники, и лишь впоследствии... начинают двигаться робкие, инертные народные массы» (Всеподданнейший доклад министра финансов к смете государственных доходов и расходов на 1896 год).

устанавливается практика постоянного их участия и приглашения. Более того, Витте в 1903 г. призывал крупную буржуазию в лице представителей биржевых комитетов организоваться, «возможно чаще видаться, съезжаться, совещаться о своих нуждах, объяснять их правительству в убедительной форме», чтобы «скорее получить их удовлетворение» иметь «свои органы печати для выяснения ваших интересов и прав», стараться «влиять на общественное мнение», иметь «свой постоянные бюро или иные учреждения, которые объединяли бы вас»⁴⁶. Витте открыто призывал крупную буржуазию и к обогащению, и к организованному выявлению своих экономических требований.

В буржуазии, и не только в ее верхушечных слоях, постепенно складывалось сознание своего экономического и даже общественного значения. Но проявление его было крайне ограниченным, и буржуазия в целом сохраняла верноподданническую природу. Характерно и широко распространенное стремление богатых промышленников и других дельцов переходить из купеческого в дворянское сословие. Желание сохранить купеческое звание при возможности получить дворянство проявляли во второй половине XIX в. лишь единичные представители крупной буржуазии, вроде Кокорева.

Таким образом, в течение всего пореформенного периода до конца века протекал двойной процесс приспособления — с одной стороны, полукрепостнического самодержавия, стремившегося, не меняя своей социально-политической природы, приспособиться к капиталистическому развитию и в известной мере приспособить его к своим нуждам, с другой, — приспособление крупной русской буржуазии к политическому господству помещиков, сохранению крепостнических пережитков в экономике страны и в ее политической надстройке, к политическому всевластию царизма. Этот двойной процесс выражал собой формирование союза крепостников-помещиков с крупным капиталом в качестве социально-экономической опоры самодержавия, что не соответствовало ни интересам капиталистического развития страны, ни общеклассовым интересам русской буржуазии.

«Интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого»⁴⁷.

При всей неразвитости политического сознания русской буржуазии она не могла не чувствовать известной стесненности и в своей чисто хозяйственной деятельности. Многообразное государственное вмешательство в экономику, весьма выгодное для определенных слоев крупной буржуазии, вызывало недовольство, а то и ущемляло интересы других слоев. При интимно близких отношениях с царскими чиновниками и полицией, которых буржуазия научилась «водить на помочах»⁴⁸,

⁴⁶ Цит. по П. А. Берлин. Указ. соч., стр. 135.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 312—313.

⁴⁸ См. там же, стр. 71.

она все же испытывала зависимость от них, необходимость преодолевать чрезвычайную волокиту старого, неприспособленного к капиталистическим условиям чиновничьего аппарата.

Чрезвычайно отсталым было царское законодательство, регулировавшее частнопроводные отношения. Многие статьи Гражданского уложения, «устава торгового» и «о промышленности» имели более чем столетнюю давность. Царское правительство так и не сумело разработать и ввести в действие акционерное законодательство, соответствующее природе капиталистического хозяйства. Вся работа в этой области привела к нагромождению различных законов и дополнений к ним. При этом сохранялась разрешительная система организации акционерных обществ, утверждения правительствам их уставов, что задерживало возникновение новых акционерных обществ, их реорганизацию, увеличение их капиталов, любое действие, требовавшее введение в устав новой статьи или изменения старой. В такой выгодной для капиталистов области, как казенные заказы и подряды, действовали стеснительные для контрагентов разные положения и правила столетней давности, которые правительство признало устаревшими еще в 60-х годах. Новое единое положение разрабатывалось почти 50 лет, но так и не стало законом⁴⁹.

Витте, относившийся после наступления кризиса 1900—1903 гг. вполне положительно к синдикатам и видевший в них средство «организованной самопомощи» промышленников во время кризиса, особенно понимал устарелость формально действовавшей статьи закона о «стачках торговцев в целях повышения или понижения цен» (на основании ее организация любого договорного монополистического объединения без санкции правительства была формально уголовно наказуемой). Но Витте, легализуя часть синдикатов путем утверждения их в форме акционерных обществ, не считал нужным отменять статью, чтобы сохранить правительству возможность давления на синдикаты.

Вся административная практика правительства, связанная с государственным вмешательством в экономику, и устарелое российское торгово-промышленное законодательство не соответствовали буржуазной «свободе предпринимательской деятельности». Широко практикуя индивидуальные отступления от законов, правительство ко многим из них не обращалось или изредка вспоминало об их существовании, с чем буржуазия тогда легко мирилась.

Зато пореформенная буржуазия пользовалась во всю ничем неслесненной «свободой» самой жестокой эксплуатации рабочих. Буржуазия вполне устраивало, что правительство в течение длительного времени продолжало в отношении рабочих держаться старой крепостнической линии. Наподобие «продовольственной помощи» крестьянам во время голодовок, правительство проявляло «заботу» о рабочих, когда они оставались без работы. Всякие же попытки организованных выступлений рабочих в защиту своих чисто экономических интересов рассматривались как «бунт».

Нагляднее всего эта двусторонняя патриархально-крепостническая линия до революции 1905—1907 гг. прослеживается на Урале. При сохранении полукрепостнических отношений владельцы заводов обязаны были предоставлять работу «заводскому населению». Горное ведомство, как и в дореформенное время следило за тем, чтобы «мастеровые» не оставались без работы, чтобы не накапливалась значительная задолженность заводууправления по заработной плате рабочим и чтобы заводчики завозили сезонные запасы продовольствия для «прокормления населения». «Во избежание закрытия заводов и оставления населения без работы» или на выплату заработной платы и завоз продовольствия

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 131.

правительство по-прежнему выдавало заводчикам долгосрочные ссуды и субсидии, отсрочивало старые долги, наконец, «брало заводы в «казенное управление» для «продолжения действий заводов».

Эту выгодную для заводчиков практику правительство пыталось перенести и на чисто капиталистические предприятия «государственного значения» в особо поддерживаемых отраслях тяжелой промышленности. Так, длившаяся почти двадцать лет поддержка Путиловского завода началась с того, что запутавшийся в новом учредительстве Н. И. Путилов перестал во время выплачивать заработную плату и начались «рабочие волнения». Начальник полиции запрашивал 18 декабря 1876 г. Путилова, будет ли выплачена перед рождественскими праздниками заработная плата, обещая в случае невыплаты выслать на завод полицию и войска. В последний момент решено было без всякого оформления дать Путилову из Государственного банка 200 тыс. руб. для расплаты с рабочими⁵⁰. Спасание крупных «государственно важных» предприятий с помощью миллионных ссуд дополнительно мотивировалось вплоть до 1903 г. еще «заботами» о рабочих, необходимостью предотвратить «оставление их без работы» и «потерю опытных мастеровых», однако с все большим креном к третьей мотивировке — «во избежание рабочих волнений». Так «заботы» правительства о рабочих всегда приводили к существенным выводам для владельцев крупных заводов.

Развивавшаяся в иных условиях легкая промышленность не получала таких ссуд, но зато здесь крупная буржуазия широко использовала вторую сторону правительственной линии — подавление полицейским аппаратом малейших проявлений организованного сопротивления рабочих. Самые «передовые» представители московской верхушки, вроде Морозовых, наравне с «малокультурными» толстосумами охотно брали на содержание местную полицию, добивались расквартирования близ заводов казачьих сотен и т. д.

Стачечное движение первой половины 80-х годов и историческая Морозовская стачка вызвали появление в России первых фабричных законов, внесших некоторые ограничения в эксплуатацию рабочих, и учреждение фабричной инспекции для контроля за исполнением этих законов. Вынужденное принять новые буржуазные формы «социального законодательства», царское правительство стремилось сохранить в них старое полицейски-охранное содержание. Некоторые ограничения наиболее грубых форм эксплуатации, допущение в принципе чисто экономических требований к капиталистам должны были служить показателем «забот» правительства о «рабочем люде» — задержать пробуждающееся в рабочих тяготение к «политике»⁵¹.

Эта крепостническая линия достигла своей высшей точки, а вместе с тем полного краха в зубатовщине. Фабричная инспекция, которая поначалу встретила большое одобрение буржуазно-либеральных интеллигентов (именно они стали первыми инспекторами), вскоре выродилась в полуполицейское чиновничество по ведомству Министерства финансов⁵².

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 559, лл. 1—6, 20.

⁵¹ На узком совещании под председательством Николая II в 1899 г. о таможенной политике и привлечении в промышленность иностранных капиталов, где Вите отстоял свои позиции, противники этой «пробуржуазной» линии, выражавшие реакционно-помещичьи интересы, ввели в принятое царем решение особый пункт по «рабочему вопросу», который и не ставился на совещании. В этом пункте указывалось на «назревшую потребность» приступить за счет благоденствующей буржуазии «к ограждению нравственных и материальных интересов фабричного люда путем обеспечения ему близости церкви и школы, а также здоровых жилищ, медицинской помощи» («Материалы по истории СССР», т. VI, М., 1959, стр. 208, 231, прим. 18).

⁵² См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 272.

Чрезвычайно характерно для пореформенной крупной буржуазии, что она в «рабочем вопросе» оказалась «правее» реакционнейшего царского правительства. Русская буржуазия, обращавшая в свою пользу или мирившаяся с многообразными ограничениями «свободы» предпринимательской деятельности, не желала ни на грош поступиться ею в эксплуатации рабочего класса. Она встретила в штыки первые фабричные законы, особенно введение фабричной инспекции. Царское правительство шло навстречу домогательствам буржуазии. Не отменяя самих законов, оно «разъясняло» их в циркулярах в желательном для капиталистов смысле⁵³.

4. СКЛАДЫВАНИЕ БУРЖУАЗИИ ПОЛИТИЧЕСКИ КАК КЛАССА НА РУБЕЖЕ XX ВЕКА

До конца XIX в. буржуазия как класс о себе не заявляла, оставаясь политически не оформленной.

Программа буржуазных преобразований возникла в России не в буржуазной среде, а была провозглашена передовым революционным дворянством — декабристами и потому была лишена таких специфически буржуазных черт, как апология «здорового смысла», «накопительства» и т. д. В дальнейшем выразителем идей буржуазных преобразований стал российский либерализм. В нем преобладали дворянская интеллигенция и обуржуазившиеся помещики, но позднее он расширялся за счет части разночинной интеллигенции, связанной с земствами, формирующейся буржуазной интеллигенции города. Российский либерализм не имел четко выраженного классового лица, не размежевался еще с либеральным народничеством⁵⁴. Политически неразвитая и реакционная крупная буржуазия оставалась в стороне от российского либерализма. «До 1905 года в течение лет сорока с лишком дворянство либеральничало и почтительно напоминало о конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным»⁵⁵.

Более четко интересы капиталистического развития, по крайней мере в области социально-экономических пожеланий, выражала формирующаяся буржуазная интеллигенция — профессура и публицисты, группировавшиеся вокруг «Вестника Европы» или «Русских ведомостей». Но и она, в отличие от Запада, не отождествляла этих интересов с вожделениями крупной буржуазии и во многом относилась к ней критически, видя ее малокультурность, реакционность, приспособляемость к самодержавию. Стремясь к «обычному» капитализму «свободной» конкуренции, буржуазная либеральная интеллигенция понимала, что экономическая политика правительства во многом противоречит интересам капиталистического развития страны, но связывала это не с крепостническими пережитками в деревне, а с налоговым ее ограблением, забитостью и некультурностью крестьянских масс. Буржуазные либералы высказывались против протекционизма или считали допустимым умеренную таможенную охрану, но были против особых видов покровительства отдельных слоев буржуазии, а тем более отдельных капиталистов. Они считали необходимым элементарное буржуазное фабрично-заводское законодательство, ограничивающее наиболее грубые формы эксплуатации.

Буржуазным либералам было еще свойственно общее с народниками представление об интеллигенции как совершенно особой социальной группе, которая выражает интересы всего народа, является носи-

⁵³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 262—265.

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 294—295, где отмечается и для начала 90-х годов «смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения».

⁵⁵ Там же, стр. 291.

тельницей его культуры, не связана с господствующими классами и свободна от их эгоистических устремлений. Общественной функцией интеллигенции в либеральном варианте ее понимания являлось просветительство народных масс, содействие подъему их материально-культурного уровня. Поэтому достойными и излюбленными профессиями такой интеллигенции, помимо науки и культуры, были все так называемые свободные профессии (врачи, адвокаты и т. п.), служба в городских самоуправлениях, земствах, общественных организациях, но никак не в государственных учреждениях и особенно в частных предприятиях. При отсутствии четкого размежевания между мелкобуржуазной (народнической) и буржуазной интеллигенцией, последняя также была неоднородной. Развитие капитализма вело к расширению профессий, близко связанных с интересами крупной буржуазии,— инженеров, техников, административных работников предприятий и банков, управляющих «культурными» помещичьими имениями. Они не склонны были и к экономическому либерализму, смыкались с чиновничеством экономических министерств. При большом развитии в России государственно-капиталистического хозяйства путевские и горные инженеры, экономисты и финансисты — практики и профессора — легко переходили со службы в частных промышленных и железнодорожных предприятиях или банках на государственную службу и обратно на частную. Они привлекались в качестве экспертов в экономические министерства и к сотрудничеству в их официальных изданиях.

Из этой среды выходили дельцы-капиталисты вроде Вышнеградского и дельцы-чиновники типа Скальковского. Отсюда же исходила и критика буржуазной либеральной интеллигенции ее недостаточной капиталистической «развитости», ее «предрассудков»⁵⁶. Представители этой среды гораздо больше выражали устремления крупной буржуазии, чем буржуазно-либеральная интеллигенция, например, в области крайнего протекционизма. Однако в социально-политических условиях второй половины XIX в. и при слабом классовом размежевании интеллигенции различные тенденции причудливо переплетались.

Настоящий буржуазный либерализм возник в России лишь на рубеже XIX—XX в. в среде буржуазной интеллигенции под влиянием роста массового рабочего движения, его сознательности и образования революционной партии пролетариата. Возникновение последней в России ранее политических партий буржуазии ускорило политическое ее созревание, привело к размежеванию буржуазного либерализма, принявшего вначале форму легального марксизма, с народничеством, вызвало у либеральной интеллигенции стремление противопоставить буржуазную идеологию растущему влиянию революционного марксизма на рабочее движение. С самого своего возникновения русский буржуазный либерализм отличался стремлением к легальности и приспособлению к самодержавию, боязнью рабочего класса и враждебностью к социализму, антиреволюционностью, стремлением к культурничеству и постепенству в «обновлении» политической и общественной жизни страны. Возникновение нового либерализма, освобожденного от народнических «предрассудков», стало переломным моментом в развитии самой буржуазной интеллигенции. В. И. Ленин отмечал в 1903 г. появление новой русской интеллигенции, «либерализм которой почти сов-

⁵⁶ В последнем отношении эта «деловая» часть буржуазной интеллигенции была в известной мере «идейной» предшественницей правого крыла кадетской партии во время столыпинской реакции. Предвосхищая выступления П. Б. Струве в «Русской мысли» 1909—1915 гг., Ф. И. Расинский на страницах официоза Министерства финансов упрекал «русское общество», «образованные классы» в отсутствии «уважения и любви к национальному производству», в том, что они не проникнуты «индустриальным духом», не желают «идти на заводы», лишены «духа предприимчивости» («Вестник финансов, промышленности и торговли», 1901, № 18, стр. 246—247).

сем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма». «Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами»⁵⁷.

Выражая интересы широких буржуазных кругов, в том числе и буржуазившихся помещиков, новый либерализм оставался до революции 1905—1907 гг. движением буржуазной интеллигенции и не пользовался поддержкой крупной буржуазии, которая по-прежнему была политически инертной. Лишь в самый канун революции и в первые ее месяцы в обстановке подъема революционного движения, значительной активизации буржуазно-либеральных течений и под влиянием поражений царизма в войне с Японией крупная буржуазия также выступила с требованием изменения политического строя.

Однако после всеобщей октябрьской забастовки, вырвавшей у царя манифест с обещанием политических свобод и конституции, буржуазный либерализм в короткие сроки становится контрреволюционным. Раньше всего на открытые контрреволюционные позиции переходит крупная буржуазия. В ответ на явочное введение 8-часового рабочего дня в Петербурге буржуазия в союзе с царизмом отвечает рабочим массовыми локаутами на частных и государственных предприятиях. Зарождается «Союз 17 Октября» — партия полукапиталистических помещиков и крупных капиталистов, открыто контрреволюционная и монархическая. Левая часть либерального движения тоже становится на путь переговоров и попыток добиться сделки с правительством, стремится легальными путями добиться участия в правительстве⁵⁸.

Поворот всей либеральной буржуазии против революции на поддержку монархии облегчил самодержавию подавление революции. После третьеиюньского переворота октябристы стали правительственной партией, открыто поддерживавшей третьеиюньский режим и столыпинскую реформу, а кадеты приняли на себя роль легальной оппозиции, по существу также поддерживавшей третьеиюньскую систему⁵⁹.

Так во время революции «буржуазия впервые начала... складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу». В результате буржуазия, сознавая себя классом, создает идеологию, принципиально враждебную социализму и демократии. Буржуазия становится организованной «в общенациональном масштабе, т. е. именно как класс, известная часть которого постоянно представлена (и очень influentially представлена) в III Думе»⁶⁰.

(окончание следует)

⁵⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 54—55; т. 7, стр. 30—31, 32.

⁵⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 115; т. 13, стр. 100.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 108, 131; т. 17, стр. 98.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 103; т. 17, стр. 120.